

Человек эпохи реализма

Книга Ирины Паперно вышла впервые на английском языке в 1988 г. Теперь она в авторизованном переводе Т.Я.Казавчинской стала доступна широкому кругу читателей в России.

Перевод вполне литературен и не перегружен терминологией.

В «Введении» Ирина Паперно так излагает задачу своей книги: «Привлекла меня и историческая задача — новый взгляд на фигуру, которая приобрела мифологические очертания в русском культурном сознании, взгляд, по возможности очищенный и от сакраментального пафоса нескольких поколений русских радикалов, и от убийственной иронии Владимира Набокова, и от предписанного прочтения советских исследователей, и от автоматического скептицизма многих из их читателей».

Скажу сразу, что Ирина Паперно нашла свой подход к Чернышевскому, к его личности и к роману «Что делать?», подход взвешенный и осмысленный, без кренов в сторону одного из тех стереотипических подходов, о которых она предупреждает в своем «Введении».

Широкая осведомленность в литературной и общекультурной ситуации 1850-1860-х годов позволила И.Паперно во многих случаях точно указать на идеологические и собственно литературные взаимоотношения Чернышевского.

Следуя своим предшественникам, она внимательно сопоставляет фиктивное самоубийство Лопухова в «Что делать?» с реальным самоубийством в романе Жорж Занд «Жак» и сопровождает это сопоставление оригинальными суждениями по существу этой проблемы, как она повернута у Чернышевского.

Совершенно самостоятельно и для русского читателя ново сделанное И.Паперно убедительное сопоставление ряда мотивов в «Что делать?» со сходными, как она доказывает, мотивами и ситуациями в «Исповеди» Руссо.

В работе над книгой о Чернышевском-писателе для западных читателей Паперно не могла рассчитывать на достаточную их осведомленность об эпохе, когда действовал Чернышевский, и на хорошее знание его романа.

Это заставило ее пересказывать роман и объяснять реалии эпохи, которые, наверное, российскому читателю известны. Но таких уступок западному читателю в книге немного.

Эта книга о писателе, и потому две основные темы привлекли внимание исследовательницы: формирование личности Чернышевского во всей совокупности его взглядов и убеждений и выражение этой сформировавшейся личности в его романе. Как известно, в распоряжении каждого, кто хочет понять пережитую Чернышевским в университетские годы (1848-1852) эволюцию, его переход от вынесенных из родительского дома традиционных православных верований к феербахскому атеизму и гуманизму христианского социализма, есть его дневники.

Замечу, что Паперно ошибается, когда пишет, что «семинарское образование (...) не подготовило его (...) к университетскому курсу наук». Дело в том, что его отец, благочинный саратовской епархии, сам высокообразованный человек, хорошо обучил сына греческому и латыни, основным предметам изучения на филологическом факультете, куда поступил Чернышевский, а философию в университетах преподавать запретил Николай I.

Чернышевский вел свой дневник с поразительной тщательностью. Сравнивая его дневник с дневниками Льва Толстого того же времени, Ирина Паперно замечает, что «в дневнике молодого аристократа Льва Толстого за тот же период (1848 г.) почти отсутствуют конкретные бытовые подробности». Как далее она пишет, основное направление, в котором движется мысль Чернышевского в днев-

никовых записях, это преодоление того, что он сам называет в себе «бесчувственностью» или «холодностью» и стремление «найти способ надежно встроиться во внешний мир», то есть слить «индивидуальное и общественное воедино».

Это прослежено и сказано верно, но было бы совсем точно, если бы Паперно указала, что это искомое слияние личного и общественного произошло на почве новых идей и убеждений. Так, уже 20 января 1850 г., на втором университетском году, Чернышевский писал в дневнике: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличится угнетение...».

Если бы Паперно привела эту запись Чернышевского, то следовало бы объяснить западному читателю ее книги, а русскому напомнить, что так думал Чернышевский в то время, когда Россия переживала самую мрачную эпоху политического и идеологического гнета, по странному совпадению очень сходную с апогеем сталинского тирании через сто лет в 1950 году... Но Ирина Паперно старательно избегает (как мне кажется, из излишней осторожности) всего, что касается журнально-публицистической, то есть политической деятельности Чернышевского, и предпочитает изучать социально-психологическое формирование личности Чернышевского.

Она интересно освещает психологическую драму разночинца, да еще семинарского образования, при его попытках усвоить себе умение свободно держать себя в женском обществе и т.д. Это Ирина Паперно показала в своей книге очень хорошо, не следуя Набокову в его барски пренебрежительном отношении к плохому французскому произношению Чернышевского.

Очень интересно, подробно и убедительно показано Ириной Паперно, что для Чернышевского выбор будущей «подруги жизни» и вся проблема брака и семьи решалась на основе об-

Н.Г.Чернышевский.

щеидеологических принципов: «Для Чернышевского в конце 40-х годов именно удовлетворенная и реализованная в браке любовь была источником энергии, направляемой на общественную деятельность». И как удачно формулирует Паперно: «И в жизни, и в литературе Чернышевский подходил к браку как экспериментатор, искавший оптимальные формы. Плодом этих экспериментов явилась оригинальная и последовательная модель брака, реализованная им в личной жизни и описанная в романе «Что делать?» (и в других сочинениях), эту модель брака он предложил своим современникам в качестве образца для подражания».

Боюсь, что у тех, кто не знаком с дневником Чернышевского, который он вел в 1853 г. уже в Саратове в период своего знакомства с будущей женой, Ольгой Сократовной Васильевой, может сложиться впечатление, что женитьба Чернышевского была реализацией его системы идей о браке и семье.

На самом деле все было не так, а много сложнее. По своему характеру Ольга Сократовна менее кого-либо подходила к роли подруги в таком донельзя рациональном эксперименте, каким был, как утверждает Паперно,

для Чернышевского брак. И как ни примерял Чернышевский живую девушку к своей теории, на самом деле все оказывалось, как видно из его дневниковых самопризнаний, и сложнее, и проще: «Она мой идеал, или скажу просто: я не в состоянии представить себе идеала, который был бы выше ее, я не могу даже вообразить себе ничего выше, лучше ее. Она мой идеал, но идеал не потому, чтобы я идеально смотрел на нее: я вижу ее, как она есть, и не украшаю ее в моем воображении, нет — потому что в ней все, что может быть лучшего, все, что может пленять, обворожать, заставить биться радостью и счастьем мое сердце».

Значительную часть книги Ирина Паперно отвела анализу романа «Что делать?», написанного в Петропавловской крепости и ставшего самой читаемой в России книгой на полстолетия после публикации.

Анализ романа у нее осуществлен очень удачно и плодотворно: «Основной структурный принцип романа — это организация художественного мира в терминах оппозиций, своего рода мир гегелевских противоречий. Почти каждое качество, о котором идет речь в романе, отражается в зеркале противоположности: хороший писатель противопоставляется плохому писателю, хороший читатель — плохому читателю, мужчина — женщине, блондинка — брюнетке, страсть — холодности, ум — глупости, альтруизм — эгоизму».

Но эта оппозиция не статична: «После ряда формальных операций данное качество идентифицируется с противоположным (или трансформируется в противоположное): слабость оборачивается силой, уродство — красотой, порок — добродетелью, и т.п.».

После того, как эти «превращения» в собственную противоположность показаны на убедительных примерах — например, понятие «слабый пол» опровергается, и оказывается, что женщины сильнее мужчин, а... «бесталанней писатель», каким себя называет в начале романа Чернышевский, может быть «даже выше» популярных писате-

лей, читатель убеждается в серьезности и значительности того, что будет ему предложено в романе.

Особое место в книге И.Паперно уделено тем видам брака и брачных отношений, которые изображены в романе со всей свойственной Чернышевскому обстоятельностью, проявившейся еще в его дневниках. К ним Ирина Паперно относит фиктивный брак и «тройственный союз», о котором Рахметов в романе Чернышевского говорит Вере Павловне, осуждая добровольный уход Лопухова (инсценировку самоубийства), — пили бы чай «втроем». Основываясь на этих словах «особенного человека», Паперно построила за Чернышевского чуть ли не обязательную теорию брака втроем. Думаю, что исследовательница увлеклась и перенесла на Чернышевского и его эпоху, где такие «союзы» можно пересчитать по пальцам одной руки, убеждения и практику модернизма XX века.

Такая увлеченность нашей современницы этой вовсе не основополагающей идеей романа, сама по себе очень показательна. Подобная читательская увлеченность у квалифицированного литератора опровергает мнение о художественной «слабости» этого романа. И для того, чтобы согласовать свое впечатление от романа с его привычной оценкой, Паперно приходит к парадоксальному, но интересному выводу: «Роман Чернышевского осуществил свое предназначение не вопреки художественным слабостям, а благодаря им. И в этом смысле он был прав, заявляя в предисловии к роману, что несовершенство его художественного таланта не имеет значения и что его труд займет свое место среди прославленных сочинений великих писателей».

Ирина Паперно показала в своей книге, как мыслитель и писатель эпохи реализма по какому-то странному, но очень российскому движению своей мысли превращается в утописта, подменяет реальность фантазиями и к каким последствиям это приводит.

Книга Ирины Паперно не во всем убеждает, но всегда заставляет задумываться, и это ее главное и не очень часто встречающееся достоинство.

ИЛЬЯ СЕРМАН

Париж